

Проханов Александр. Сыны Виссариона ; Крым : романы. — М. : Наше Завтра ; Вече, 2021. — 384 с.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ прохановского творчества — задача непростая. Выходит новый роман — и все былые филологические конструкции рассыпаются, тектонические плиты истории сдвигаются, водоразделы смещаются, творческие отрезки сжимаются или, наоборот, растягиваются. С каждым новым романом всё труднее укладывать литературу в годы и десятилетия, нужна иная мера: та, что не боится времени, его быстротечности. Нужна евангельская мера. Когда человечество ещё не дробило сутки на часы, всё мерилось стражами, сменой караула. От заката до восхода сменялось четыре стражи. Стража — мера бдения, мера неуспыно стоящих на посту, мера тех, кто не выпустил из рук оружия, сохраняя свои рубежи. Стража — прохановская мера времени.

Первая стража длилась три часа после заката. Пора красного солнца и первой звезды. Пора бодрящего дыхания вечера, первого вдохновения и прозрения грядущей жизни. Период первой книги "Иду в путь мой", техноофрэнки и военных романов. Период, завершившийся романом "Око", о предчувствии неизбежной катастрофы советской империи.

Вторая стража продолжалась до полнотчи. Время непростой тьмы, моряка, когда пробудилась прежде таившаяся нечисть, норовила изничтожить всё живое, добыть подраненное, разорвать на части мертвелое. Это так называемые босхиянские романы об адском глумлении над телом великой державы: "Крейсера соната", "Политолог", "Теплоход", "Виртуоз".

Третья стража: от полнотчи до трёх часов ночи. Время, когда ещё далеко до рассвета, но тьма уже покаянна, рождается надежда на новый день, новую жизнь. Здесь романы о "пятой империи", об Избраннике, русском чуде и русской мечте: "Алюминиевое лицо", "Русский", "Человек звезды", "Время золотое", "Крым", "Губернатор", "Убить колибри", "Цифра", "Леонид", "Таблица Агеева"...

Но вот градёт время четвёртой стражи — время утра, восхода солнца. За горизонтом ещё не показавшаяся его макушка, ещё не слышен заговорнок, ещё не ведёмо, что несёт этот новый день, но писатель уже прозревает золотые лучи. Недавно опубликованный роман "Тайник заветов" — роман четвёртой стражи, о тех смехах, перед которыми человек теряет, о той, может быть, разрушительной, а может быть, преобразующей силе, что надвигается на мир. Новый роман "Сыны Виссариона" продолжает намечившийся период.

ГЕРОЙ РОМАНА — Фёдор Степанович Сви́рский — занимается продажами квартир в Москве. Он свидетель людского кощевья XXI века. Кто-то расширяет свои пространства и из тесных однушек переезжает в загородные дома. Иные, напротив,

СМЕНЯЕТСЯ ТРЕТЬЯ СТРАЖА

О романе «Сыны Виссариона» Александра Проханова

уплотняются, селятся в душных коммуналках. Те, кому не хватает, дерутся с близкими за наследство, но в итоге всем достаётся одинаковая жилплощадь, с одинаковым метражом в три аршина. Люди прожигают жизни, но так и не успевают увидеть неба, забываясь о земном, возделывая земное, оказываются отданы земле.

Сви́рский — человек одинокий. Дорогие его сердцу женщины — бабушка, мама, жена — одна за другой покинули этот мир. Фёдор Степанович живёт в просторной московской квартире, которая помнит несколько поколений его рода, в которой каждый предмет, каждая мелочь дышит былым. Кто-то из его предков оставил на грубом зелёном сукне письменного стола чернильное пятно. Сви́рский часто всматривается в него, будто это особая точка мироздания, откуда расходятся прошлое и настоящее.

Каждую неделю Сви́рский стремится в подмосковный лес. Там в образе трёх деревьев — сосны, ели и липы — ему явились бабушка, мама и жена. Как русский святой Александр Сви́рский, перед которым тремя ангелами предстала Троица, Фёдор Степанович опускается на колени перед деревьями — "ангелами души своей" — говорит с ними, обнимает их стволы, бережно укрывает корни, гладит, как хрупкие женские руки, ветви.

Но вот однажды он становится свидетелем того, как посреди русского леса адская машина вырубает просеку. Деревья стеноют, такими знакомыми голосами зовут на помощь — но поздно: от липы, сосны и ели остаются пни. Сви́рский становится ещё более одинок, будто его самого спилили под корень. Он кладёт голову на обрубки деревьев, как на плиту, льёт слёзы, вглядывается в годичные кольца, словно в годы, прожитые женой, мамой и бабушкой. Три такие разные судьбы, вобравшие в себя события XX века. Если бы не рула человеческих жизней, история рассыпалась бы в своей непределаемости: события и эпохи не выстроились бы в череду, а пожарили друг друга. От истории в мире расходятся таинственные круги, как на древесном срезе, и потому человеческому сознанию невозможно пробиться сквозь эти волны, сквозь загадочное оцепенение к смыслу истории, что скрыт в самой сердцевине. Неведомый зикждитель в начале времён бросил в мироздание камень и от него до сих пор расходятся круги. Такие мысли посещают Сви́рского в его тоске.

В разорённом, поруганном лесу он встречает на осенней тропе загадочную незнакомку. Её прекрасный облик завораживает: смоляные волосы, расчёсанные на прямой пробор, гипнотический взгляд, еле уловимая улыбка — но ли насмешка, то ли снисхождение, то ли сочувствие. Воздух вокруг неё дрожит маревом, туманится, кажется, она теряет свои очертания и сливается с природой. Будто какой-то гениальный художник написал её портрет, наделил её особым кодом. "Елизавета Москвичева", "Лиза Мо" — представляется она.

СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ стремительно: вот уже в подмосковном доме Лизы Мо Сви́рский, как в обсерватории, наблюдает созвездия. Татуировкой на его теле отпечатываются рыбы. "ICHTHYS" — слышится в каждом слове Лизы Мо священный акроним. "Ты не как все, ты не от мира сего" — внушает она Сви́рскому. "Только ты сможешь одолеть три стражи, три ловушки истории, трое врат, за которыми тебе откроется истина. Это всего лишь игра, телевизионное шоу. Победишь — получишь награду: поедешь со мной в страну меж двух океанов, туда, где парадокса человечества".

Зачарованный Сви́рский отправляется в телецентр. Там он знакомится с медиаореом Яковом Сайтаном, который, как хамелеон, меняет цвета, как оборотень — обличия. Он то кроток, как голубь,

Михаил Кильдяшов

то мудр, как змея, то ядовит, как скорпион. На этих контрастах строятся программы Сайтана, в которых предстоит принять участие Сви́рскому.

"Без теней" — шоу о жизни звёзд, тех, кто всегда на виду, на свету, о тех, кто не отбрасывает теней. Шоу, где рушатся репутации, развенчиваются былые кумиры, превозносится низменное и тлетворное. Зрителю предлагается замочная скважина спальни или уборной, куда редко кто откажется подсмотреть. "Низкий зрелищ зритель" увязает на этом этапе, не преодолевает первой ловушки. История навсегда скрывает свою тайну от того, что с неодолимой страстью закопался в чужом грязном белье.

"Рычаг истории" — политическое ток-шоу с бесконечным диалогом глухих, с ораторским самолюбованием, полемическим сладострастием, не дающим никаких ответов, а лишь ещё больше закручивающим действительность. Это вторая стража, до которой добираются немногие, те, кто одолел первую, но и они застревают в ловушках-иллюзиях, умирая расставленных Сайтаном. От попавшихся история ускользает.

На обоих шоу Сви́рский пытается отстоять последние крохи чистоты и справедливости, старается выступить миротворцем, когда, обсуждая карабахский конфликт, армянский и азербайджанский эксперты идут вруклопашую.

Сви́рский одолевает первые две стражи. Телецентр позиди. Дальше закрытый, непубличный "Совет мудрецов", к которому допускаются только избранные. Здесь волхвы, цари и пророцы размышляют о возможных вариантах отношений человека к истории. Сайтан как мудрейший из мудрецов, носящий на Совете имя Енох, владеющий особым енохским языком, шифровкой и дешифрующим сакральное знание, подводит итог. Из всех попыток вырваться из потока истории ни одна не является спасительной. Угодничество карьеристов, разрушительный натиск революционеров, чьяние художниками красоты и преобразования, пьяное забытьё — всё бесполезно. Во всех этих случаях человек остаётся лёгкой добычей истории, её непределаемостью ход перемалывает человеческий опыт, прогнозы и упования. По-настоящему спасительной лишь уйти от "мира сего" в "мир иной", как это делали затворники и пустыnnики. Но Земля давно тесна для спасения человека. Потому, одолевший третью стражу, должен стать жителем Космического государства.

Сви́рский боится этого шага, разрывает отношения с Сайтаном. Решает заниматься привычным делом, жить, как все, не притязая на высокие смыслы и разгадку тайны. Но тьма "мира сего" гущеется вокруг Сви́рского. Беспорядное уныние московских коммуналок, где люди выпали из исторического времени и оказались в бытовом безвременье, где реальность внушает каждому: проживи незаметно, не наследуй в истории. Русский человек тонет в очтаннии, разврате, бессилии, его вытесняют витальные, с напруженной силой мигранты. Русский человек даже не бежит от истории, история норовит безвозвратно обжечь от него. "И я такой же, — думает Сви́рский. — И я не оставляю следа. Только однажды держал я руку на пульсе истории, когда осенью 1993-го оборонял Дом Советов, когда рисковал жизнью, когда побратался с другим барикадником, обменявшись с ним на-тельными крестом".

В "мире сем" воцарилась смерть: такая желанная всё это время Лиза Мо неведомо зачем совершила акт самоосожжения, вспыхнула на глазах у Сви́рского. И теперь нужно достичь Космического государства, чтобы одолеть смерть, чтобы воскресить Лизу Мо и всех близких, чтобы вернуть к жизни русский народ, который по рождению своему "не от мира сего".

Сви́рский вновь выходит на связь с Яковом Сайтаном. В потайной точке России тот собирает общину, что вот-вот отправится на ковчеге в Космическое государство. В общине сошлись все, кто встречался Сви́рскому в последнее время: от жильцов московских коммуналок до экспертов по карабахскому конфликту и членов "Совета мудрецов".

Будущие насельники ковчеге должны совершить три обряда: усеконовение грехов в бане бытия, возвращение древа жизни, семена которого ещё Гагарин доставил из Космоса, и обряд обретения плодов от древа. В этих плодах должны воскреснуть все умершие: и насаженная энтомологом на острую иглу бабочка, и срубленная адской машиной деревья, и сгоревшая Лиза Мо.

Все ждут явления "пророка пророков", создателя "царства звёздного света", который на местной Рыбьей горе должен прочесть напутственную проповедь и вместе со всеми отбыть на ковчеге в небо обетованное. Имя пророка — "Виссарион" — "лесной житель": ему дорога всякая жизнь, всякое "дерево насаждённое", каждый древесный корень, каждая капля смолы, проступившая на коре. Ему предстоит перенести древо жизни в Космическое государство, где станут "зажигать погашие звёзды, латать "чёрные дыры", принимать роды новых планет, свёртывать спирали галактик".

Проповедь Виссариона — это родословие Вселенной, где абсолютно всё связано родственными узами: армянин и азербайджанец, садовник и цветов, дождь и трава, человек и время. Всё является причиной для всего и вытекает следствием отовсюду: не спас мотылька — и в небе погасла звезда.

*Родивший сына есть Отец.
Возлюбивший Отца есть Сын.
Спасший себя есть Спас.
Спасший другого есть Друг.
Пронидший врата есть Странник.
Противший быдло есть Солнце.
Оказавший милость есть Луна.
Заглянувший в цветок есть Пчела.
Любящий вечер есть Заря Вечерняя.
Любящий утро есть Заря Утренняя.
Источающий сладость есть Медь.
Любящий слезы есть Соль.
Теорящий слово есть Звук.
Теорящий свет есть Алмаз.
Свет в ночи есть Звезда.
Ночь без света есть Бездна.
Открылась бездна, звёзд полна.
Звёздам числа нет, бездне дна.*

После проповеди Виссарион призывает к себе Сви́рского, и тот узнаёт в нём барикадника, с которым обменялся крестами. Тогда они будто поменялись жизнями, и всё, что история уготовила Сви́рскому, выпало на долю Виссариону: в 90-е, после баррикады, он хлелбул русской тьмы, скитался по городам и весям, впадал во все тяжкие, пока не услышал призыв: "Тебе надлежит идти на небо. Взнесёшься и станешь спасать мир. Порча земная происходит от порчи небесной. Излучи Вселенную, и излучишь землю. Собери тех, кто "не от мира сего", и вознесишь".

Всё уже готово к отбытию. Нерешённым осталась лишь один вопрос: какова будет форма правления в Космическом государстве? Яков Сайтан настаивает на республике, Виссарион же намерен провозгласить монархию. Из-за этого разлада в день отлёта, когда Виссарион восклицает: "Эплатю!" — "Слава небу!", Сайтан твердит: "Эплатю!" — "Слава землель!". Ковчег, оттолкнувшись от Рыбьей горы, в неопределённости повисает между небом и землёй и выходит из строя — полёт срывается.

Космическое государство — обетованное царство благоденствия и гармонии — поразил земной вирус, вирус греха, злобы, зависти и предательства, вирус Каина и Иуды. Космическое государство, ещё не заселённое людьми, уже разделилось само в себе и оттого не устояло.

ЯКОВА САЙТАНА-ШАЙТАНА-САТАНУ, от века идущего по следу за человечеством, судят в общине земным судом, без милосердия и прощения. Предатель и смутьян приговаривается к смерти. Вместе с ним должен быть казнён и Сви́рский, который вступился за Сайтана, желая не допустить первой крови среди чающих Космического царства. В отношении Сайтана приговор приведён в исполнение, Сви́рского же спасает Лиза Мо, которая чудом выжила, как неопалимая купина.

"Ты прошёл все три стражи. Тебя ждёт обещанная награда" — за сплывший спасительницы открывается млгистый город Чинандега, молочная река Коко, два зелёных океана.

Никарагуа — страна меж двух океанов, где жизнь — сплошной латиноамериканский карнавал. Она кажется потерянным и обрётённым раем, где времени ещё нет, а значит, нет ни старости, ни смерти. Хорошо здесь быть: танцевать, веселиться, вкушать экзотические яства, любоваться небом, водой, воспевать любимую, что теперь неотлучно рядом.

Но не ради этого оказался здесь Сви́рский. Ради спасения мира. Неспроста он "Федор" — "Божий дар", неспроста "Степанович" — "увенчанный царской короной". То, что не удалось на Рыбьей горе, теперь предстоит совершить у жерла вулкана Сан Кристоабель. Но уже не через полёт, а через жертву, не через вознесение, а через сошествие во ад. Из проснувшегося вулкана в мир рвётся чёрная лава — нужно закупорить кратер собой, своей жизнью.

Лава вскипает, тьма гущеется, вязкое и раскалённое засасывает, в последних порывах жизни герой пытается за что-нибудь ухватиться. Неведомая сила выталкивает его наружу: московская квартира, старинный письменный стол, чернильное пятно на зелёном сукне. Оно пульсирует перед глазами героя, готово либо исчезнуть, либо разрастись в целый Космос. Пятно — "стеклянная микросекунда, через которую протекает судьба", в которой пульсирует история.

ИСТОРИИ ТЕСНО в ветхом мире. Она — молодое вино, которое прорвать старые мехи. Она ищет сегодня для себя новое пространство, новый простор, ей нужен образ будущего, в который она войдёт. Но этот образ не в силах создать ни политологи, ни социологи, ни журналисты.

Мы живём в пору третьей стражи, в пору "петлоглашения". Петух уже возгласил дважды, и мы, подобно апостолу Петру, уже дважды отреклись. Мы отреклись от смыслов, от истории, от Истины. И нам неведомо, что дальше: либо третье отречение — и за ним тупик; либо троератный отпускаящий грех вопрос Спасителя: "Любиль ли Меня?" Либо история окажется во тьме ночи, либо наступит рассвет.

Единственный теперь, кто способен создать образ мира — писатель. Писатели отныне — миротворцы. Блаженны миротворцы! Если раньше литература прежде всего создавала тип героя, искала человека, то теперь ей предстоит создавать, открывать мир, в котором будет жить человек. Тот, кто раньше был Диогеном, станет Гагариным. Тот, кто когда-то держал в руке фонарь, должен уместить на ладони земную сферу.

"Исключительный герой в исключительных обстоятельствах" или "типический герой в типических обстоятельствах" — всё это в минувшем. Теперь же преображённый, космический мир с героем-преобразителем. Мир в пору смены третьей стражи первичен — за ним придут и герой, и язык, и сюжет. Блажен способный обечь в слова мир четвёртой стражи, дать ему имя, и если жизнь пока не видит этого мира, она дождётся до него, поравняется с ним, сроднится с ним, ведь там восходит солнце и восклицают "Слава небу!"

Книгу можно приобрести в День-магазине: +7 (499) 350-17-79, pochta@den-magazin.ru

Витязь в Красных доспехах

Памяти Владимира Сергеевича Бушина

Он жил во времена Советов. Памяти Владимира Бушина / Сборник статей под редакцией Екатерины ГлушиК. — М. : Крымский мост-9Д, 2021. — 432 с.

УХОД ИЗ ЖИЗНИ Владимира Сергеевича Бушина ещё раз опроверг расхожую фразу о том, что незаменимых людей нет. Они есть. Они были. Бероятно, те, кто эту фразу сочинил, что её повторяет, не встречали таких людей. А нам, сотрудникам газеты "Завтра", её читателям выпало счастье знать такого человека, общаться с ним кому-то лично, кому-то — через его неповторимые, неподражаемые тексты. Владимир Сергеевич Бушин. Не стало его, и образовалась ничем не заполняемая пустота в самой русской жизни. Он был тем залогом, который если и не запечатывал зарузу современной жизни в её норах, из которых она выползала, отравляя наше существование, то припечатывал её своим точным, разлким словом. Он вскрывал её гнусную суть, какими бы одеждами эта гнусь ни прикрывалась.

Он был тем воздухом, которым дышали мы, советские-русские люди в страде либерального бытия. Он был эталонным советским человеком, эталонным русским интеллигентом. Его судьба — это и есть повесть о настоящем человеке. Предвоенное детство и юность, неудавшаяся попытка добровольцем уйти на фронт: не взяли из-за возраста. Уход на фронт, война. Поступление в Литинститут. Насыщенная студенческая жизнь, работа... Многие товарищи по Литинституту, коллеги по работе в журналах впоследствии — классики советской литературы. И вот — перестройка, проклятые девяностые... И из всей когорты маститых писателей, обласканных советской властью почестями, званиями и квартирами-дачами, буквально одиночки — бойцы — вышли на линию огня, отражая атаки на страну Советов и нанося удары по её врагу. Отнюдь не обласканный советской властью Владимир Бушин, не одаренный ею ни премиями, ни званиями, ни материальными благами в виде квартир, за свою смело высказываемую позицию напoлучавший начальственных оплеух, он оказался одним из самых верных, любящих, беззаветных сыновей своей советской Родины. Встал на её защиту при первых же либеральных ударах, которые наносились зачатую подло — в спину. "Витязь в красных доспехах" называл его Александр Проханов, восхитившийся его стоицизмом и непоколебимой ничем — ни угрозами, ни посулами — позицией.

"Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше", — говорил поэт. А мы себя — по Бушину сверяли, по этому безукоризненному камертону, чтобы наполниться силами и жить дальше, сохраняя человеческое достоинство. "Во дни сомнений, во дни

Екатерина ГЛУШИК

Памяти Владимира Сергеевича Бушина

тягостных раздумий о судьбах моей Родины" — у нас есть не только великий русский язык, коим виртуозно владел Владимир Бушин, умея так подобрать слова, что ты и плакал, и смеялся, ты вдохновлялся и был готов на борьбу. Но у нас есть и Матросов, Карбышев, милая святая девушка Зоя. У нас есть Королёв, Непобедимый. Есть Сви́рдов, Уланова, Шолохов. У нас есть Бушин. Какой ещё народ может похвалиться таким богатством — главным богатством на земле — Человеком? Золотой век русской жизни — советский век. И Владимир Сергеевич воспевал этот век. Он был певцом. Владимир Бушин к позорному столбу пригвозждал гнусное лихолетье девяностых и далее — везде. Он был обвинителем на народном трибунале. И всегда его голос звучал без фальши.

Оступела без него земля. Вышла книга памяти. В неё включены статьи Владимира Сергеевича, его стихи, его беседы. Беседа с Татьяной Николаевной Бушиной, женой Владимира Сергеевича. В книгу вошли статьи из разных изданий, посвященные его юбилеям. Поминальные слова от имени писательских организаций, от его соратников, друзей и почитателей: Александра Проханова, Геннадия Зюганова, Юрия Полякова, Сергея Бабурина, Юрия Мухина, Рустема Вахитова, Александра Коледая, Сергея Леваковского, семьи Лебедевых, Анатолия Дмитриенко. Стихи, посвященные Бушину. Книга иллюстрирована фотографиями.

КАЖДЫЙ ИЗ НАС знает по себе, какое воздействие имело слово Бушина. А Александр Дегтярёв рассказал, как слово Бушина заставило его семью действовать, и результаты этой деятельности мы, сами того не зная, ощущаем на себе. Вот рассказ Александра Дегтярёва под названием "Слово Бушина и наше дело", опубликованный в книге.

"Вместе со всеми, что высоко ценит творчество писателя и публициста Владимира Бушина, его огромный талант, остроумие и выдающееся мастерство в защите идеалов советской цивилизации, отстаивании правды о Советском Союзе, его вождях-основателях, наша семья с глубокой печалью восприняла известие о кончине Владимира Сергеевича. К сожалению, мне не довелось быть лично знакомым с этим замечательным писателем и человеком. Но его статьи и книги занимают особое место в духовном достоянии нашей семьи. Расскажу об одной из страниц творчества Владимира Бушина, оказавшей большое влияние на общественное сознание и традицию поминовения павших в День Победы.

Каждый год 9 мая в 18 час. 55 мин. московского времени по всем федеральным каналам телевидения и радиовещания в эфире транслируется "Минута молчания", посвящённая памяти

советских граждан, павших в годы Великой Отечественной войны. Эта традиция существует на протяжении многих лет, но ни истории, ни простые граждане страны не создавали, что текст аудиозаписи, звучащий в передаче "Минута молчания", содержал сведения, не соответствующие исторической действительности. 16 мая 2013 года в газете "Завтра" № 20 была опубликована статья Владимира Бушина "25 лет вранья", которая начиналась так: "В только что минувший священный День Победы 9 мая голос, сопровождавший "Минуту молчания", со слезой и дрожью произнёс по всем телеканалам, обращаясь к уже немногим, ещё не ушедшим фронтовикам: "Ты, чьи близкие и родные прошли через сталинские лагеря, ты освободил Бухенвальд и Дахау!"

Казалось бы, что особенного в этих словах? Но далее Владимир Сергеевич с присущими ему остротой и сарказмом пишет: "Ведь вот до чего дошло малоумие и невежество телевизионных придурков и прохвостов, двадцать пять лет без перекура лучших о своей Родине! Мало им высосанных из немывтого перста Солженицына потоков советских людей, прошедших "сталинские лагеря", они теперь объявили, что и толпы американцев побывали там же".

Владимир Сергеевич первым обратил внимание общественности, граждан нашей страны, что приведённое выше утверждение из аудиозаписи "Минуты молчания" является ложью. "Близкие и родные" американских солдат не могли пройти через места заключения в СССР, поскольку фашистские концлагеря Бухенвальд и Дахау были освобождены в апреле 1945 года войсками США.

Далее Владимир Бушин задаётся вопросом: "Почему же для скорбной речи выбраны не Киев и Прага, не Минск и Будапешт, не Кишинев и Вена, а эти горстки с их лагерями? О, здесь тупоумно тонкий расчёт на то, что кто-то примет это за желание в торжественный час поминовения воздать высокую хвалу нашему народу и Красной Армии. Как же! Родные и близкие сидели в лагерях, а солдаты — какое незлобное благородство! — не жалая жизни, шли в бой за освобождение именно лагерей".

Развивая этот тезис писателя, отметим, что даже если бы в "Минуте молчания" речь шла об Освенциме, освобождённом советскими войсками, это не меняет подлого смысла фразы, поскольку телевизионные "знатоки" разделили воевавших солдат Красной Армии на простые смертных и "жертв режима", подвиг которых оценивался выше. Десятки их родные прошли через лагерь, а они благородно воевали наравне с остальными. Какая же "альтернатива" подразумевалась авторами текста "Минуты молчания" для красноармейцев — "жертв режима"? Отказаться воевать? Дезертировать?

Владимира Бушина "25 лет вранья" в газете "Завтра", была приведена аргументация, доказывающая, что текст аудиозаписи "Минуты молчания", касающийся освобождения фашистских лагерей Бухенвальд и Дахау, содержит ложное утверждение и имеет оскорбительный смысл для павших и живых воинов Красной Армии.

Подчёркивалось, что после "одесской Хатыни" дальнейшее стремление хозяев эффира приравнять, ставить на одну доску власти фашистской Германии и Советского Союза, использовать передачу "Минута молчания" 9 мая для очередной "прививки антисоветизма" населению страны, становится вопиющим кощунством, оскорбляет человеческое достоинство живых ветеранов Великой Отечественной войны и память павших солдат Красной Армии. В завершение обращения была выражена просьба предпринять все возможные и необходимые действия, чтобы навсегда исключить из аудиозаписи передачи "Минута молчания" в День Победы ложные сведения, пропащие антисоветским нафталеном из "лихих 90-х".

Что же в итоге? Видимо, не только наша семья обращалась с подобным протестом к властям, но в День Победы 9 мая 2014 года по всем каналам впервые транслировалась обновлённая аудиозапись "Минуты молчания".

Лживая запись в исполнении известного телеведущего, бывшего члена КПСС, профессионального лицедея, чья подобострастная манера говорить и ульбатыва, угождая любым генсекам и властям, вызвала отвращение у людей, рождённых в СССР была отброшена. Кончилиось её время.

С чувством огромного удовлетворения многие люди сказали себе: Господь услышал мудрые слова Владимира Бушина, возразил людям, принявшим в кратчайший срок мукеевенное, достойное решение о перемене формата и тональности передачи.

